

АНДРИЙ МАЛЫШКО

РЗ1235

У
КРАИНА
МОЯ!

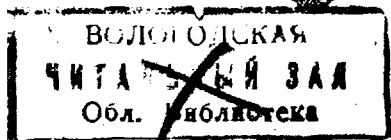
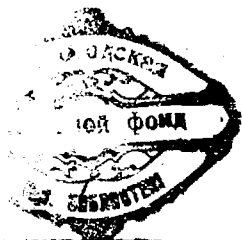
©

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

УКРАИНА МОЯ

У/235

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1943

М-20 + укр. + 355.1(С8)

Перевод с украинского
под редакцией
Бориса ТУРГАНОВА

УКРАИНА МОЯ!

1

Запылали огни. За отрядом проходят отряды.
Самолеты гудят, — ведь на запад фронты и фронты...
Украина моя, ничего мне на свете не надо,
Только знать, что со мною, родная, попрежнему ты!

Как мы с детства росли? Колыбель, колыхаясь, скрипела,
Догорал каганец, восковая чуть тлелась свеча.
Ты нам путь указала — он вдаль уходил без предела —
И сверкающий луч был подобен удару меча.

— Баю, баю, сыночек, усни, баю, баю, мой милый...
Чтоб не сглазил никто... — И в словах материнских —
печаль.

Но степная дорога нас ночью из хат уводила,
И сестра наша, доля, манила нас в звездную даль.

Паровоз прогудит. Может, с фронта вернулись солдаты? ..
Снова рожь зацветет, снова люди пойдут по жнивью?
Вероятались отцы ненадолго в родимые хаты, —
Научить сыновей, как винтовкой владеют в бою.

Журавли пролетели. То, может быть, вести от брата,
Из карпатских долин, от польных потоптанных меж?
Расступилась земля. И уже наступает расплата.
За лужком-бережком обагрился пожаром рубеж.

Это шла революция в серой солдатской шинели,
Из окопной тоски, из-под пуль, по осенним полям,
Говорили солдаты: — Наелись мы вдоволь шрапнели,
Пусть едят ее немцы, а нам уж пора по домам!

Пролетели года. Расцветает шевченкова круча.
Домны плавят металл. В Поднепровьи встает
Днепрэльстан.

Украина моя, наплывает тяжелая туча —
Коршунье налетело оравой из вражеских стран.

И не красные звезды на крыльях — большие, родные,
Нет, — под крыльями бомбы и черные, злые кресты.
Но я видел в ночи: пламенеют глаза молодые,
И выходят полки, и бойцы занимают посты.

Наземь валится коршун, подбит в поединке жестоком,
Танки в сизом дыму, точно трупы, чернеют из мглы,
И, трассируя, пули бегут золотистым потоком.
— Кровь за кровь, смерть за смерть! — коршунье
уничтожат орлы.

У Днепра я спрошу: — Слушай, старый, ты видывал
виды, —
Что, забомбленный сталью, сегодня ответишь врагам?

И рокочет мне Днепр: — Не забыл я и старой обиды,
А уж новую эту — вовек не прошу палачам!

Украина моя! Твои дали грозою пропахли.
Молодая степнячка! Росинка на грани весла!
Я отдам свою кровь, свою силу и юность до капли,
Чтоб из пепла ты встала. Чтоб тополем в небо росла.

Запылали огни. За отрядом проходят отряды.
Самолеты гудят, — ведь на запад фронты и фронты...
Украина моя, ничего мне на свете не надо,
Только знать, что со мною, родная, попрежнему ты!

2

Вновь зову я тебя. Иль по голосу не¹ распознала?
Вновь прошу: отзовись, молодая, родная моя.
Стать бы ветром в степи — только туча все небо застлала,
Звонкой песней позвать бы — но где отыскать соловья?

В Поднепровьи, в долине, ромашка завяла, побита.
Старый тополь скрипит. Догорает отцовский мой дом.
И не хочется ветром ложиться коню под копыта,
Соловьем запевать на глухом пепелище твоём.

Я дышать буду, падать, бороться, покуда не сгину.
А к какому сегодня еще мне итти рубежу?
Твоей муки и горя возьму я себе половинну,
В испокорном, неистовом сердце своем положу.

И пойду, как Микула, под ношей согнушь, потемнею,
Весь иссохну от жажды, и, может, в пути упаду,
Но я знаю — увижу: цветы расцветут, пламенея,
Вновь в твоём, Украина, зеленом и вечном саду!..

3

Ты опять мне приснилась на горькой дороге разлуки
Синим лугом, ромашкою, птицею с каневских круч.
Ну, возьми мою кровь, мое сердце зажми в свои руки,
Только снами не мучь и невыпитым горем не мучь!

Есть у зверя нора, и подружка у каждого хлопца,
И у матери сын, и любовь не смешна, не странна.
Только, видно, опять мне сегодня заснуть не придется.
И любви я не знаю: ведь ты за полями — одна...

Много верст исходил я — не сотню, не двести, не триста.
Все поход и поход, и опасность, и труд — впереди.
И звезда мне шепнула, сверкая тепло и лучисто:
— Что стоишь, как немой? На свою Украину гляди!

На свою Украину, откуда лишь клекот орлиный
Над курганом высоким, в туманных просторах дорог!..
И лежала земля, и клубился пожар над долиной.
Я глядел, и немел, и, прощаясь, — проститься не мог.

Вставай же, родная, для счастья и воли, —
 О, как мы с тобой еще будем богаты:
 И радугой в небе, и мальвами в поле,
 И мезтью врагу над обломками хаты!

Коснусь тебя нежно в тревожной заботе
 И, гневом палимый, увижу воочью:
 Истерзанный мукой ребяческий ротик,
 Железом пронзенные девичьи очи.

О, нет, палачам не поможет нагайка,
 Расправимся с ними расправой крутою:
 Среди дымного поля встает Наливайко
 И землю колеблет могучей рукою.

Вот, плечи расправив и сбросив оковы,
 Встает он до неба, где туча кружится...
 С оружием, дети Железняковы,
 Пройдем мы дорогой вдоль спелой пшеницы.

Вдоль спелой пшеницы, по желтой ромашке,
 По синей дубраве к дождю золотому.
 В котомке сухарь и водица в баклажке,
 И встретят нас сестры у отчего дома.

Довольно разлуки! Для счастья и воли
 Вставай, Украина! Мы будем богаты
 И радугой в небе, и мальвами в поле,
 И мезтью врагу над обломками хаты!

Не плачьте, мама, не надо — теперь не вернете сына,
 Вст он лежит под тыном, в крови у него висок.
 И меркнет морозный вечер, стынет в тумане равнина,
 Из леса идут партизаны, окутаны в синий дымок.

И ты, отец, обездолен? Твой дом подпалили каты?
 Брата веревкой скрутили, от горя он стал седым?
 Да, все, чем ты жил доселе — и счастье, и труд, и
 хата, —
 Все это догорает и превращается в дым.

Заржали кони в колхозе, откликнулись скрипом ворота
 Коней и овец забрали — краснеет кровью снежок.
 И меркнет морозный вечер за рощей у поворота.
 Из леса идут партизаны, окутаны в синий дымок.

Спаленную яблоню эту, вон там, где сугробик белый,
 Ты сам прививал. Не помнишь? Цвети, мой веселый
 дом!
 — Мы знаем, все знаем, знаем! — кричат с земли по-
 чернелой

Столбы сожженного дома — кричат о горе твоём.

Повешенных ветер качает. Орудие гулко грохочет.
 И все развеяно с пеплом — и радость, и труд, и пот.

А звезды смотрят на землю, как будто замученных очи,
Как будто расстрелянных очи возле кленовых ворот.

Не плачьте, мама, не надо! Отец, не печалься, право!
Наши идут с востока. Трубы играют в степи.
Возьмут палачей кровавых и поведут на расправу,
Нехватит их черной крови, чтоб горе твое искупить!

КИЕВ

Померк небосвод наш веселый. Окоп. Тучи дыма и
стали.

Деревья, от пыли седые. Рассветы с кровавой зарей.
Мы так породнились с тобою, как будто мы братьями
стали,

Иль, может быть, батьком и сыном, под злобной свин-
цовой пургой.

Зовет к себе в гости мой садик, зеленая улица, пло-
щадь.

Трамваев звонок голосистый, хранящие древность холмы.
Вот тут и любили, под небом, где облако ветры полощут,
И дети тут наши учились. В двадцатом учились и мы.

В те годы — припомним, ребята! — мы жили в одном
общезитьи.

На гречневом хлебе с водою, полпачки махорки на всех.
И строили быт, как умели. Грузили и уголь и жито,
А пели — и горе вполгоря, и знали: смеяться не грех.

Что ж ты призадумался, древний, над времени бурным
потокком?

Иль слушаешь клетот железный? Иль рокоты соловья?
Стоит твоя гордая слава, как радуга в небе высоком,
Горящем красой семицветной, — великая слава твоя!

О чем твоя дума, любимый? Цветет та же синь над
холмами,
Шумят твои площади, Днепр твой волною столетий
шумит.

Живет твоя светлая правда, горит золотыми плодами,
И сила на крепких высотах в броне богатырской стоит.

Я вижу — гроза подступает, и туча раскинула гриву,
И немцы ползут по дорогам на люто-кровавый разбой.
На мать мою Украину, на потом вспоенную ниву,
Ползут на тебя, богатырь мой, мой Киев великий, свя-
той!

Дезчурки девятого класса надели повязки, — сестрицы!
Пошли старики в ополченье — есть доблесть и в старой
крови.

А наша братва-комсомольцы — обшили зеленым петлицы
И с поднятою головою зовут тебя: — Благослови!

Но день светозарный настанет. Умоется солнце росой.
Придем, опаленные в битвах, мы, волю неся на штыках,
Потрогаем камушек каждый, бурьян весь подрежем ко-
сою

И вытрем горячие слезы на детских поблекших щеках.

А кто-нибудь и не вернется. Ну, что ж, я не спорю с
судьбою.

Об имени пуля не спросит, не скажешь: не вышли года...

Скажи тогда близким и милым, что был до конца я с
тобою.

Друзьям от меня поклонись ты и вспомни меня иногда.

ДНЕПР

Где лозы красные, где тихие излуки,
Ребят веселый гам, девичьих глаз лучи?
Широкий, вольный Днепр, с тобою мы в разлуке,
Не слышно бурь твоих, весенних бурь в ночи.

А как я к ним привык!.. В твоём огромном лоне
Тяжелых туч полки и солнца низкий свет,
И первых молний блеск на дальнем небосклоне.
О, детство гроз моих, привет тебе, привет!

Твоих дождей зерно прохладно-наливное,
Челны смоленые, что кони, рвутся в даль!
Шагают рыбаки, дымят луга от зноя,
И городов твоих гудит чугун и сталь.

Широкий, вольный Днепр, где мы ходили с братом
В отхожий промысел, на дальние харчи.
Как пахло рыбою, и дегтем, и канатом,
И спелыми арбузами с бахчи!

Как радовались мы — счастливые бродяги,
Мальчишки смуглые, курилки, плотари,
Что рыба в снасть идет, что бури, точно стяги,
Нам в спины бьют и в грудь с полночи до зари.

Что неводы звенят, натянуты, как стрелы,
Что с солью и зерном проходят челноки.
Так подрастали мы... Быть может, неумелы,
Но, как дубки в лесу, задорны и крепки.

А в дымный день войны дубы клонили ветви
И двигались стада потоком на восток,
То черный был поток, то серый в позднем свете,
То золотой в полях, где ветра влажный ток.

То белорунный... Пить, испытать бы хоть немного!
— Поставьте в стойла нас у цинковых дойниц!
Мы молоком полны, мы им зальем дорогу,
Воронки, вырытые среди густых пшениц!

Так плакали коровы. Но ударом
Их оглушало вдруг, свинец косил подряд.
Шел миллион овец: отара, вновь отара,
И в спины теплые фугасный бил снаряд.

Пожара отоветы в глазах у них стояли,
Ягнята падали безногие, моля:
— Стригите нас скорей, вы шерсть еще не сняли,
Мы ею выстелем сожженные поля!

Горели фермы сплошь за горизонтом строгим,
И в отвесах волы ревели, точно гром,
И месяц лез в поля волом багроворогим
Средь облачных стогов, крутым своим путем.

И трупы конские... Изглоданные плечи
Обугленных глазниц зияющая мгла.
О, кони бедные! Вы, не изведав сечи,
Среди чужих дорог погибли без седла!

Я ржанье конское услышал бы на воле,
Лился бы жаркий пот с горячих ваших тел,
Но вы лежите здесь, в сожженном этом поле,
Где явор золотой окаменел.

...Сияет солнца щит в просторах небосвода,
Свежо смолистый вест ветровей.
Реви, мой старый Днепр, до неба вздыбля воды,
Стели попоны туч и кровью багровей!

Столетний темный дуб, подкошенный под корень,
Немало видел битв, пиров, смертей, родин.
Теперь упал и лег на голубом просторе,
Всю ширину Днепра собой загородив.

Вы дедов видели над приднепровской кручей
В рубахах домотканых и портах?
Они, узнав, что враг ползет свинцовой тучей,
Готовы грудью лечь на танковых путях.

Полки трубили в ночь... И пыль, клубясь к восходу,
Над танками вилась, над конским ржаньем злым,
Над миллионом рук, над грохотом похода,
Все одевая пологом своим.

И жито сыпалось. И горе шло по хатам,
И родичи в полях опознавали нас.
Прощался сын с отцом, сестра со старшим братом,
С любимым девушка. Такой им выпал час!

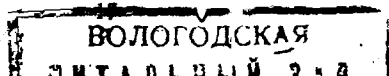
Прощай, мой Днепр, и жди! С весенними ветрами
Мы весть тебе придем, что враг заклятый пал.
...И Днепр синел вдали долинами, дубами,
Волной шумел. А нам казалось — он рыдал.

МАТЬ

От Днепра на полнеба надвинулась черная туча.
Задымилась долины. Последняя пала роса.
Ты выходишь одна. Высока, высока стоит круча.
Там, над тучей, замедливший луч золотит небеса.
Так кого же ты кличешь с той кручи на зорьке багряной?
Покормила бы кур. Походила бы ты по двору.
Вижу я тебя в длинной сорочке, простой, полотняной,
И в потертой корсетке,— и сбился платок на ветру.
Очень холодно, мама? Сносились давно сапожонки,
Руки, вижу, озябли, тулупчик на рыбьем меху.
Обещал я купить:

— Ни к чему! Позаботься о женке,
Приодень потеплее мою молодую сноху.
Так и ходишь в обносках. Четвертого пестуешь внука,
В колыбельке качаешь. Какие ему снятся сны?
На высокой горе поднимаешь с надеждою руку.
И уста твои шепчут:

— Сыны мои, где вы, сыны?

Ты баюкала их, и сгибалась спина от заботы
И от хлопот вседневных. Да кто еще вспомнит о том?
Постарела сама. Натрудилась за дни и за годы.
Подоспела война.

— Так что, мама, прощайте! Идем!

И пошли. Перед Киевом древним, высоким долина
Вся изрыта окопами. Небо в дыму и в огне.

Ну, а мать — как и каждая мать, как у каждого сына:
Сядет есть — и не ест, ляжет — дум не приспит и во сне.
Станешь старшего звать:

— Заглянул бы в отцовскую хату!

Станешь среднего звать, чтобы старую мать навестил.

Не зови лишь меньшого, родная, к знакомому саду.

Я летел бы, как птица летел бы, да нет уже сил.

Ты у солнца спроси, что не светит — чернеет над полем.

Как щитом, закрывается тучей от ясного дня,

Как им восточку дать, ненаглядным твоим, смуглочолым.

Синеокая! Многострадальная мать моя!

Поклонись ты Днепру, он у моря в гостях был недавно,

Поискал бы детей твоих, бей ему в землю челом.

И стоишь ты одна, как на древней стене Ярославна,

На трипольском валу, над седеющим старым Днепром.

МОЕМУ ОТЦУ

Все помню, ничто до конца не сгорело,
Все детство шумит ветерком за спиною...
Немецкие пушки ревут озверело,
Зима завывает за ближней горюю.
На новых воротах петух деревянный,
Солдатских двуколок отряд на постое.
А может — то верба свой, звездами тканый,
Зеленый подол пронесла над водою?
А ты, поседелый, все шьешь, пока в силах,
Ровняешь подошву, стучишь себе тихо,
Чтоб хлопцев твоих, сыновей твоих милых,
Не тронуло горе, бесхлебное лихо.
Пятнадцатый год уже старшему брату.
Середнему — десять. Меньшому — три года.
Сбирал по копейкам убогую плату:
— Растить сыновей — так не в труд и работа!
Шил чоботы ладно — заправский художник —
Соседям-сельчанам. Носил на базары.
Привет тебе, честный мой сельский сапожник,
Мой батяно далекий, мой труженик старый!

Когда ж начиналася осень с дождями
И за море гуси летели в тумане,
Ты пил, пропивая гроши за грошами,
Пока оставался хоть грошик в кармане
Я вижу, уж плечи твои подломились,
Лета, словно по мосту кони, промчались.
Мы сходны с тобою — простыми родились,
Да так вот — простыми — всю жизнь и остались.
И счастье далось нелегко нам с тобою —
Не ровная тропка, дорога крутая,
С жарищею — летом, с морозом — зимою.
И труд. И мозоли. И песня такая:
Что был черноморец да был запорожец,
И девка-любава с протоков зеленых.
А сам через семьдесят первый порожец
Шагнул ты в чоботьях своих запыленных.
Тебе отдохнуть бы. Чтоб дети и внуки
Кормили, чтоб к старости был кусок хлеба,—
Так снова война подняла свои руки,
Не руки, а страшные лапы, до неба.
Заря потухает, угрюмо багрова,
Над нашею хатою чайка кыгичет.
Я жду: твоего не услышу ли слова?
Мой батько, мой труженик, кто ж меня кличет?
Обуглилась верба, стоит, как вдовица,
А дыма полотна злой ветер колышет.
Ворота лежат. Пересохла криница.
Мой батько, кто кличет меня? Не расслышу!
По небу днепровскому не лебедята,

Не селезень сизый плывет над тобою.
И сохнет барвинок, и корчится мята —
И ждут меня с поля, с последнего боя.
Ведь твой это голос, пронесся по полю
Сквозь пули, под небом, дрожащим от грома,
Где враг принес и позор, и неволю,
Где голод ползет возле отчего дома.
От ката немецкого терпишь /ты муки —
На старого штык наставляет, лютуя,
За то, что твой сын — не слепец, не безрукий,
А вырос бойцом за отчизну святую.
Во сне тебя вижу. И сны — вереницей.
Но в сердце — не горесть, а гневное пламя.
Повеял бы ветром. Промчался бы птицей.
Травинкой поднялся бы под воротами.
Но лучше, как воин, сквозь битвы и сечи
Прийти с доброй вестью к родному порогу, —
Чтоб радостно вышли соседи навстречу
И мать побежала взглянуть на дорогу.
Чтоб чокнулись хлопцы, и чарка запела,
И встретила мужа, смеясь, молодица,
И мята взошла, и ведром зазвенела
Глубокая, в срубе дубовом, криница.
Пусть ночи осады, и кровь, и пожары,
И рев орудийный, и смертное горе, —
Жди, сельский сапожник, мой труженик старый,
Мой батяню далекий, домой меня скоро!

БОЖЕНКО

Под небом, как море, глубоким, бескрайная встала
равнина,
Дорогами грозных восстаний зовет на кровавую брань.
Боженко, ты встанешь, Боженко,— пылает твоя Украина,
С Десны, 'от Славутича громко на трубах грохочет:
— Восстань!

Раздутое дьявольской злобой, колышется зарево ало.
На пажити внука убили. Снарядом ударило в дом.
Боженко, ты встанешь, Боженко. Твоя Украина восстала,
Земля за Днепром и за Бугом тебя призывает:
— Идем!

И вот он встает, седобровый, кудлатый и в шапке-
ушанке,
И бурка его, словно буря, лохматою тучей грозна,
И молнией сабля сверкает, и громом грохочут тачанки,
И вздыбился конь тонконогий, звенят серебром стремена.

Вгляни, как нахмурилось небо,— горячая будет работа.
Фашисты не в битву выходят, идут на открытый разбой.
И с ними папы возвратились, пограбить народ им охота.
Черняк Тимофей на них грянет и Щорс Николай за
тобой!

И яростно гикнул Боженко, взмахнув своей саблей
блестящей,
Продымленный пороха дымом, он знает — бой будет
кровав.
Зовет он для страшного боя Обухов, Триполье, Та-
ращу,
И Киев, и Канев, и Корсунь, и светлый зовет Богуслав.

Из Корсуня отклик: — Мы знаем! — Отгулом с Таращи:
— Мы слышим!

Как девушка в ленты цветные, земля нарядилась, цветет.
Коней вороных из конюшен выводят к запряжке и
дышлам,

Готовят тачанки и седла, пристреливают пулемет.

У старого сбоку граната, и черная бурка вихрится.
Идут из колхоза дивчата,— нелегкая будет страда.
Покрытая пылью густою, шумит золотая пшеница,
Кукушка на дубе зеленом считает Боженку года.

Встает седобровый и кличет:

— Гей, хлопцы, собрались вы, что ли?

Мы ночи закутаем дымом, сияние дня обагрим!

Ко мне, партизаны, чье сердце тоскует по сабле и воле,
Ко мне, кто рубиться умеет, живет, по коням своим!
Налетчиков наглых порубим!

И вот, подтянувши подпругу,
Боженко гарцует среди поля. Клубится от конницы мгла.
И грянули громом тачанки от Припяти, Оржицы, Буга,
И тень его бурки орлиной на всю Украину легла.

ПЕРЕД БОЕМ

В полночный час ударит гром,
Все небо взбудоражит.
Войдет тревога в отчий дом,
«Надень шинель!» — прикажет.

Прощаться будем до зари...
С винтовкой боевою
И котелок, и сухари
Я в путь возьму с собою.

И в степь, где песня жниц слышна,
Где древний ворон кружит,
Пойдет со мной моя жена
И, распростиась, затужит...

Букет надеждой зацветет
Из трав степных и нежных,
И на прощание мелькнет
Платочек белоснежный...

Но труб походных блеск и гуд
С лица стряхнет заботу.
— Полки идут! Полки идут!
Вперед, вперед, пехота!

Пойду в строю, сквозь пыль и дым,
Сквозь версты и привалы
Правофланговым рядовым,
Веселым запевай.

И вам не снится ли в ночи,
Как в дьявольском разгоне
Грохочут в небо трубачи,
Храпят казачьи кони?

РОМАШКА

Цвети, цвети, ромашка,
Пока багряна даль.
Не так мне будет тяжело
Снять с плеч моих печаль.

Тонка былинка-ножка,
Подола шитый край.
Прощай, малютка, крошка,
Цветочек мой, прощай!

В обновках лес, поляна,
Сияет небосвод,
А месяц льет из жбана
Тяжелый, крепкий мед.

Пойду в поход с полками,
Лишь грянут трубы дня.
Столетний дуб руками
Благословит меня.

И сердце будет нежить
Отрада снов и дум.
Мой цветик белоснежный!
Дубов зеленый шум!

У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ ХОРОШИЙ

С. Т у н а л у

У меня был друг хороший,
А войны повеял дым —
За мостом, у переправы,
Распрощались мы с ним.

Взял Шевченко я с собою,
Вышел рано, до зари,
Положил в кисет махорку
И в котомку — сухари.

— Будь здоров! — сказал товарищ.
— Будь здоров! — сказал и я.
И еще была подружка
Ласковая у меня...

И она ушла сestroю
На далекие фронты —
Делать хлопцам перевязки,
Перематывать бинты.

Может, вы ее встречали
Там, где к небу дым взвился?
На руке ее повязка,
Под косынкою коса.

У меня был дед в колхозе
Дед семидесяти лет.
С партизанами в лесочке
Он охотится, мой дед.

Выбрал сам себе работу,
Не легка и не тяжка:
Все немецких, окаянных,
Бьет волков у бережка.

И подружка извещает:
Там, где пушек слышен гуд. —
Там концы ее косынки
В грозовом дыму цветут.

Поезда гудят за лугом.
Расспрошу: жива иль нет?
Хлопцы в белых перевязках
Улыбаются в ответ.

Вспоминаю: как любилась,
Как прощались без конца...
Но от друга нет ответа,
Ни привета, ни словца.

Мать выходит на дорогу
Под артиллерийский гром,
И тоскует наша хата
О товарище моем.

ЗАСВИСТАЛИ ПАРТИЗАНЫ

Засвистали партизаны
Ночью вдоль дубровы.
Провожали их дивчата:
— Бувайте здоровы!

Забирайте ружья, сабли,
Напейтесь водицы.
Ходят грозы за горою,
Сходятся зарницы.

Стала мать у новой хаты
С мальвой огневою,
А сестрица возле брата,
Милая — со мною.

Хлеба-соли мать дарила,
А сестра обновы:
Две сорочки выносила
И платок шелковий.

А подружка попросила:
— Милый, чернобровый!
Немца-гада бей нещадно
И вернись здоровый!

Выезжали партизаны
Позднью порою..
Взошел месяц над горою,
Месяц над горою.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Что за ветер за горой?
Гнется явор молодой,
Партизаны, партизаны,
Выше знамя над землей!

Поле колосом звенит,
Солнце колос золотит.
В колосистом чистом поле
Наша юность гомонит.

Два сыночка у отца,
Два героя, два бойца.
Будем недруга громить мы
Без пощады, до конца!

— Ты прощай, зеленый сад,
Жди, вернемся мы назад!
Старший сын — на синем море,
Младший сын — на Северград.

Полею полымя плывет,
Ветер черный дым несет,—
Батько хату поджигает,
К партизанам в лес идет.

Ветер в поле за горой,
Гнется явор молодой.
Партизаны, партизаны,
Выше знамя над землей!

БАЛЛАДА О МАТВЕЕ ПОДКОВЕ.

Там, за томоном околиц,
За лесами, где туман,
Бродит вечер-краснозорец,
Бьется парень-партизан.

Вот стоит перед тобою
Он в наряде боевом:
Патронташ, набитый к бою,
Нож, винтовка за плечом.

Ночью средь пути глухого
Тихо шепчутся ручьи.
— Где же тут Матвей Подкова?
— Чей ты будешь?
— Мы свои.

Их ведет надежда, грея,
До Славутича-реки:

- Как бы нам найти Матвея?
— Кто же вы?
— Мы свояки.

Выйдут утром спозаранку,
Только станет рассветать.
Вы прощайте, подолянки!
Провожай, родная мать!

С письмоношей чернобровой
Всюду весточки летят,
Что ведет отряд Подкова,
Что мосты за ним горят.

Обошли его с востока.
Партизаны, целы вы?
В воду канули осажой,
В поле ветром средь травы.

Сникли далью золотою.
Лишь на третью ночь вдали
За горою, за крутою,
Вновь пожары зацвели.

Обложили немцы снова.
Партизаны — в лес, во мглу.
И гляди — опять Подкова
Бьет германцев в их тылу.

Не берет за подвиг плату —
Только б хлеба кто принес.
Партизан — из хаты в хату,
Из колхоза и в колхоз.

Ночью средь пути глухого
Тихо шепчутся ручьи.
— Где жѣ тут Матвей Подкова?
— Кто ты будешь?
— Мы свои.

В чистом поле жито спеет,
Золотой пылит пыльцой,
И бессмертья ветер веет
В партизанское лицо.

ПЕСНЯ

Как собирались хлопцы в партизаны,
Их не провожали трубачи.
В красный плат пожитки увязали:
Знамя из него сошьем в ночи.

Клади хлеб печеный на тачанку,
Сабли гибче молодой лозы,
Положили бурку-таращанку
И гранат полсотни на возы!

Оседлай-ка, друже, вороного —
Ветер в поле клонит зелена.
А сестра пусть сядет на другого —
На гнедого доброго коня.

Пыльный шлях. У матерей забота:
Их сыны надолго ли ушли?
А сестра как вышла за ворота —
Все луга, все рощи расцвели!

В бой пойдет дивчина партизанкой, —
Кто не знает дочки кузнеца?
Сварит борщ, присмотрит за землянкой,
Постирать успеет для бойца.

Так седлай же, друже, вороного —
Ветер в поле клонит зелена.
А сестра пусть сядет на другого —
На гнедого доброго коня!

* * *

Зори, точно горны,
По полю ручьи.
Дали мои черные,
Степи вы мои...

Где мы проходили —
Все полно водой.
Поднял в небо вилы
Месяц молодой.

Высоко воздеты
Звезды, как штыки,
Там, где шли пикеты
И грузовики.

Пашня перерыта
Бомбами насквозь...
Придонское жито
Горячо от слез.

Нет, не скоро хата:
Жди войны конца!
Гибнет брат за брата
И мать за отца.

Вижу — раным-рано
У крутой межи
Вышли партизаны,
Подняли ножи.

И куют у горна
Звонко кузнецы
Вражьей силе черной
Смертные концы.

КАТЕРИНА

За орудием вихрилась вьюга,
За вагоном — зима без конца...
Катерина, цветок мой, подруга,
Нет и нет от тебя письмеца!

...Из Лебедки, села за горою,
Оставляя калек да внучат,
Листопадной осенней порою
Забирали в неволю дивчат.

От села, от родимого поля,
В серый сумрак туманов ночных,
В погребя и амбары Тироля,
В чадный морок баварских пивных.

Не утеха, не слово прощанья —
Несся за версту материн плач,
Как в беленый мешок домотканый
Положила ты черствый калач.

Как дорожную пыль ты глотала,
Как садилась на старенький воз,
Как береза в саду трепетала
Золотыми росинками слез.

Вдовы кликали вслед: — Будь здорова!
— Возвращайся! — звала детвора.
Ни травинки, ни корки, ни крова,
Ни кола на земле, ни двора.

И не ехала — шла к полустанку
По стерне, где косила в покос,
Повязала платком спозаранку
Смоляное кольцо своих кос.

Висли звезд серебристые точки
Над садами, над гладью пруда.
«Вы прощайте, луга-бережочки!..» —
Захотелось запеть.. Да куда!
Не смогла. Заскрипели колеса
Под теплушкой. Долины, откосы,
И в железной одежде мосты,
И багряной калины кусты,
Черный тсподь у старой криницы.
Белый колос несжатой пшеницы,
Пепелище, кусты курая,
Люд родимый, родные края, —
Все прощайте!

Не ждите отныне,

Не вернуться в отеческий дом.
Только чайка, стена в пустыне,
Вышину прочертила крылом...

...Как ты руки свои заломила
Под неистовый скрежет и гам,
Как тоски неизбежная сила
Твои косы сронила к ногам!

Только, пыльные шпалы объемля,
Две косы расплелись — две красы,
Да на рыжую швабскую землю
Пали капли кровавой росы...

День, и ночь, и тоска огневая
Подневольного злого труда...
Ой, чужбина, далекая, злая,
Будь же проклята ты навсегда!

Даль степная ушла, раскололась.
Полетела б — да нету пути!
Посечется мой девичий волос,
Оборвется мой девичий голос,
Очи высохнут — слез не найти.

И очей голубые озера,
И бровей голубиный разлет

Втопчут в грудь забытого сора
Возле жадных фабричных ворот...

...Что ж, придет ли Катруся в Лебедку,
Свой убогий неся узелок?
Нет, не слышно знакомой походки,
Только бабы тоскуют в слободке.
Звезды гаснут. Шумит ветерок.

Я искать буду слова такого,
Чтоб всю ненависть слить в нем и страсть:
На устах моих, сжатых сурово,
Катерины душа запекалась.

Всею кровью своею багряной
Я кричать буду громче, чем гром,
Над немецкой землей окаянной
О неслыханном горе твоём!

* * *

Пожара марево очам
Отныне помнить вечно.
Кто там идет — по всем путям?
Не мать ли? Мать, конечно.

Седой ковыль, дубов ряды,
Поля за дымкой мгlistой.
Мать ищет милые следы,
Сыновний путь тернистый.

Бывали битвы, кровь и пот,
И многое иное
И у криниц, и у ворот,
И в холоде, и в зное.

Вокруг прожекторов мечи,
Бьют пушки, не смолкая.
Не спи в ночи, вставай в ночи,
Ищи меня, родная!

И я приду к своим полям,
Потоптаным, побитым.
И все, с чем шел по тем путям,
Что сердцем пережито.

Как эхо памяти глухой,
Как грозная година,—
Все встанет, набежит волной,
Сольется воедино.

И я от мук не закричу,
Не захлебнусь тоскою,
Как сизый сокол пролечу.
...Но встречусь ли с тобою?

* * *

Ты меня накличешься ночами
И, неся разлуку за плечами,
Вдоволь нагладишься из окна,
Истрадаешься в своей надежде,
Вспомнишь землю, где мы жили прежде,
В юности, и где теперь война.

Ты не можешь видеть издалека,
Как чужие танки мнут жестоко,
Горе сушит, застигает мгла
Эту землю, что, росой умыта,
Вся в садах, вся в желтых копнах жита,
Вся в цветах, как радуга, цвела!

Нелегко идти к родному дому
Через мертвых, через вспышки грома,
Через ночь — прожекторов мечи,—
Быть всегда в бою, всегда в дороге...
Ты еще накличешься в тревоге,
Нагладишься из окна в ночи!

БЕЖЕНЦЫ

Идут, идут... Возы, арбы, двуколки,—
Житейской клади доверху на них.
И неба синего прохладные осколки
В глазах у коней вороных.

Худые запыленные ребята
Жуют лепешки — ох, круты они..
Сквозная осень, чуть жнитвом почата,
В дыму и в битвах провожает дни.

За тихим, вольным да широким Доном
Скрипит война кузнечным мехом злым.
И кланяются поясным поклоном
Дубы вослед хозяевам своим.

А те идут, забравши упряжь, коней,—
Забрали б двор и хату в три окна,
Забрали б землю в теплые ладони,
Да в горьком пепле вся лежит она.

* * *

Бронзовый памятник в сквере новом,
Яблоня в тихом саду цветет..
Все отпылало закатом багровым:
Войны, побоища, кровь и пот.

Но сберегает нам память наша
Воспоминание о прожитом.
Лето цветет. Поднялась ромашка.
Белой гречихи море кругом.

Дети щебечут. Седеет мята,
И серебрится полынь-трава..
Сколько замучено и распято —
Знает земля, как старуха-вдова,

Знают поля под закатом багровым,
Камень истертых ногами плит,
Бронзовый памятник в сквере новом,
Где безымянный боец варят.

* * *

Вьюга треплет вихры снеговые,
Сытый ворон садится на прах,
На широких просторах России,
На соленых каспийских ветрах.

У воронок не выдвела рута,
Громыхая, ползут тягачи,
Где заря над лобовищем лютым
Золотые сломала ключи,

Где звучало: «расстреливай, вешай!».
Где ребята голодные шли...
...И лежит кладом наисвятейшим
Отвоеванный угол земли.

ЗАШЛИ МЫ В ХАТУ

Еще все дрожало от взрывов сердитых,
Поблизости падал снаряд за снарядом,
А мы уж в селе вспоминали забытых,
И всех незабытых, повешенных рядом.

Дорог этих знаю концы и начала...
У клуни сожженной, где сохи чернели,
В хатенке дитя надрывалось — кричало.

— Зайдем?

— Ну, зайдем. Отдохнем, в самом деле.

Сверкают зенитки и ахают гулко.

— Ну, что ж! Ничего! Отдохнем и поскачем!..

Скрипит на крюке полотняная люлька,
Девчонка двухлетняя давится плачем.

Не видно ни матери и ни сестрицы,
Ни брата, ни деда в заброшенной хате.

— Не плачь! На, потрогай мою рукавицу.

На, хлеба покушай — пшеничный он, кстати

Чего ты расплакалась, люли, чего ты?
Есть хочешь иль пить? Или, может, с разлуки? —
И старый мой друг, ездовой из хозроты,
Ребенка берет на корявые руки.

Поет он про́ дрёму, что около дому,
Про травку-муравку, про вольную волю.
Про то, как казаки гуляли по Дону,
Про нашу походную трудную долю.

От той колыбельной, как в детстве когда-то,
Прошло утомленье, не стало тревоги.
И всем показалось, что бедная хата
Как праздник богата,— что мать на пороге.

НЕМЕЦ

Навис над Доном дым пожара,
От битвы сотрясая шлях.
Шел немец из-под Богучара,
Все уторапливая шаг.
Его глушила непогода,—
Снег сеялся сквозь облака.
Не знаю я — какого звзда
Он был, и роты, и полка.
Немало тех полков побили,
Немало истребили рот,
Немало стали в землю врыли,—
Так обернулся этот год.
Вот, почернелый от заботы,
Своих друзей не схоронив,
Ни крови не обмыв, ни пота,
Уходит немец, еле жив.
Бредет над речками степными,
В полях, где пажить проросла,
Над пепелищами глухими,
Дымящимися без числа.

За снежно-белой пеленою,
Айдаром, дальше — Боровою,
Как тощий пес, в тоске бежит,
Бежит — не пьет, не ест, не спит
Сад впереди: дубы и клены,
И груши в снежной тишине.
— Здесь я укроюсь от погони,
Здесь отдохнуть удастся мне.
Через колючую ограду
Перешагну — поспать, поесть...
— Нет, нет, входить сюда не надо,
Другие спят в молчаньи сада,
Я не пушу тебя!
— Кто здесь?
— Ты не заснешь, едой утешенный.
Ослеп ты, что ли? Посмотри:
Вот на дубке висит повешенный,
На клене, яворе — повешенный,
И здесь, и там, и тут — повешенный,
Где яблоня — там целых три.
— Кто их?..
— Ты, ты! — Повсюду головы
С угрозой смотрят на врага.
Лишь ночь расплавленное олово
Льет на холодные снега.
Бежит в шинели он и в каске,
Как волк затравленный, назад.
Уж недалече шлях полтавский,
Шляхи Донетчины лежат...

Он хочет пить: сверкает влага,
Ледок у лужицы хрустит.
Припасть, напиться! Где баклага?
Как жажда хищника томит!
Хлебнет воды, глаза промочет,
Нальет в баклагу, унесет.
— Кто там такой, чего он вост
И кровь пролитую сосет?
Здесь не вода...

Косынка вьется

Над мертвым матери лицом.
— Здесь кровь моя живая льется,
Неотомщенная бойцом.
Ты мой убийца! —

Снова мимо

Он, от зари и до зари,
Дурным предчувствием томимый,
Дорогой мертвой, недвижимой,
Бредет в глухие пустыри.
Он подкрепиться хочет житом,
Перегорелым дочерна.
— Ты колос мой топтал копытом,
Снарядом выжжет семена! —
Кричит земля.

И он сутулится

И, скорченный в бараний рог,
Крадется деревенской улицей,
Вползает на чужой порог,
Скулит, как пес, и в хату просится,

Но хата — черноты черней,
И лишь одно в ответ доносится:
— Я не пушу тебя, злодей!
Не подходи! —

Опять дорога

В ночную степь, где ветра свист,
Прочь от запретного порога,
От слез, и пыток, и убийств,
Прочь от неотвратимой кары,
От пепелищ, где вьется дым,
От неотвязного кошмара,
Навек повисшего над ним.
Петух не крикнет до денницы
Там, где проходит душегуб,
И не плеснет ему водицы,
Колодезной, дубовый сруб.
Не подадут из хаты хлеба,
Ни табаку, ни огонька,
Лишь месяц на ладони неба,
Как хлеб, манит издалика.
За украинским вольным садом,
За вольным полем боевым,
У черной хаты, тут же, рядом,
Свалился немец. И над ним
Никто не плакал. Загребущей
Тянулся он во тьме рукой,
Как бы стремясь дома и пуши
Схватить, и весь мой край цветущий, —
И смертной исходил тоской.

* * *

Во мне душа твоя жива,
Огнем горят твои слова!
Нет, не удастся никому
Столкнуть тебя из света в тьму.
Я вижу твой спокойный взор,
Весь в яворах зеленый двор,
И ширь небес, и даль дорог
Все, что я в памяти сберег.

Дни светлой юности моей
Барвинка вешнего синей,
Я часто думаю о них,
Об этих светлых днях моих.
Призывно лебеди кричат,
Порывы юные звучат
Труда, любви и доброты,
Которой так гордилась ты!

Напевы стариков седых,
Раскаты песен молодых,
Речь о любви наедине,
День — в деле, ночь — в спокойном сне,

Донецких работяг семью
И юность жаркую свою
Припомнил я. И ясно мне,
Что не погибнешь ты в огне,
Где мор, и голод, и пурга,
И козни лютого врага,
Мать Украина!.. Слышу я
Хрип конский, крики воронья:
Оно, не улетая прочь,
Терзает мертвого всю ночь.

Отец мой! Друг мой! Побратим!
Вгляни на горизонт. За ним,
Как в гетманщины дни,—вдали
Дороги смерти пролегли.
Там в поле мерзнет детвора,
Там волки рыщут у двора,
Оттуда на грядущий день
Ложится тягостная тень.

Глубоко в сердце спрячу я
Гром пушек, крики воронья,
Очей незрячих пустоту,
Ночей осенних темноту
И радостную дерзость их —
Моих мечтаний молодых.

Когда б, собрав невинных плач,
Их горе вытрубил трубач,

Когда б всю боль и всю тоску
Соединить в одну реку,
То мир, что к горестям привык,
От плача б тяжкого поник,
Луга у золотых берез
Завяли б навсегда от слез.

Какие снились нам жнивья?
И что за ветер чую я?
Смотрите: кровь и мечь растут
Густым посевом! Близок суд!
Мечтает о весне дубок,
В простой семье растет сынок.
В него, изранена в бою,
Вольешь ты ненависть свою,
И в лес уйдет сыновний след...
Идут полки. Горит рассвет.
И в каждой хате у дверей
Я вижу ждущих матерей.

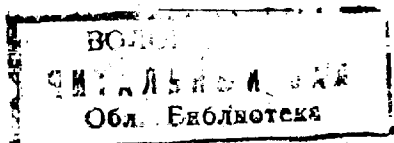
Всем, кто склонился на мечи,
Всем, кто расстрелян был в ночи,
Всем, кто убит в моем краю,—
Свою печаль я отдаю,
Ее разбивши на куски
Так, чтобы поровну тоски
И гнева каждому из нас
Досталось на отмщенья час.

За меру — меру! Кровь — за кровь!
Мы, истребив своих врагов,
В родимом поле, на весну,
Поднимем плугом целину...
Вставай, палимая огнём,
Мужающая с каждым днем,
Ты, что не хочешь умирать,
Что будешь жить, — родная мать,
Мать Украина!..

СОДЕРЖАНИЕ

Украина моя! Гл. 1—3 перевел Б. Турганов;	3
гл. 4—5 перевел М. Зенкевич	3
Киев. Перевел А. Глоба	10
Днепр. Перевела Е. Благинина	13
Мать. Перевел А. Глоба	17
Моему отцу. Перевел А. Глоба	19
Боженко. Перевел М. Зенкевич	22
Перед боем. Перевел О. Кольчев	25
Ромашка. Перевел А. Глоба	27
У меня был друг хороший. Перевел О. Кольчев	29
Засветали партизаны. Перевел А. Глоба	32
Партизанская песня. Перевел А. Глоба	34
Баллада о Матвее Подкове. Перевел М. Зенкевич	36
Песня. Перевел Д. Кедрин	39
Зори, точно горны... Перевела Е. Благинина	41
Катерина. Перевел Б. Турганов	43
Пожара марево очам... Перевел А. Глоба	47
Ты меня накличешься ночами... Перевел Д. Кедрин	49

Беженцы. Перевела <i>Е. Благинина</i>	50
Бронзовый памятник в сквере новом... Перевел <i>Д. Кедрин</i>	51
Вьюга треплет вихры снежные... Перевела <i>Е. Бла- гинина</i>	52
Зашли мы в хату. Перевела <i>Е. Благинина</i>	53
Немец. Перевел <i>Б. Турганов</i>	55
Во мне душа твоя жива... Перевел <i>Д. Кедрин</i>	59

Редактор Е. Колтунова

А474. Подписана в печати 14/VI 1943 г. Печ. л. 2. Авт. л. 2, 09. Уч.-
изд. лист. 2, 22. Тираж 10 000. Заказ 1423.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография „Красный печатник“. Москва, ул. 25 Октября, 5,

№. 58 г.

56

1 руб. 50 коп.

23

